

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

Кроме того, в идейно-психологический комплекс дискриминации входило также и представление о париях, как об особых, даже в биологическом плане, существах. "Обычные" японцы верили, например, что у них меньшее число ребер, чем некоторые кости собачьи и т.д. А эти представления уже полностью совпадали с группами сэммин.

И наконец, в рассматриваемый нами комплекс входили также и суждения о нравственной, личностной неполноценности, обязательной порочности всех париев. О том, что для них всех якобы характерны какие-то обязательные отрицательные черты, которые (не менее, чем все остальное) и делают их дискриминацию неизбежной и вполне оправданной и естественной. Это такие черты, в частности, как нечистоплотность, лень, склонность к предательству, обману, воровству, агрессивность, трусость и т.д. Правда, и эти черты, естественно, даже для самого предубежденного японца не ограничивались рамками сэммин. Но для последних, в отличие от "обычных" членов общества, они считались генетически заданными, неизбежными и обязательными, составлявшими важный элемент их социальной субстанции.

Таким образом, явление дискриминации и оказалось немного долговечнее догм "осквернения" и "навлечения беды", которые, следовательно, не могут рассматриваться в качестве источника его формирования.

И.Ш.Шифман

К ИСТОРИИ ПУНИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СВЕТЕ АНТИЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРЕДАНИЯ

Памятники финикийско-пунийской литературы до нас не дошли; некоторые из них известны либо по изложениям или упоминаниям в сочинениях поздних античных авторов (такие как перипл Гимилькона, повествование Санхониятона, труд по агрономии Магона), либо в греческих переложениях (перипл Ганнона). Во всех этих случаях пунийские тексты подвергались обработке, так что более или менее определенно можно судить только о содержании этих памятников в общем плане. То же самое можно сказать и о пунийских исторических

повествованиях, нашедших отражение в сочинениях Юстина (Домпея Трога), Дмодора, Саллюстия, Страбона и некоторых иных авторов. Сравнительное изучение античной историографии показало, что существовало несколько вариантов пунической исторической традиции (например, датирующие основание Карфагена 814 и 825 годами до н.э.). В нашем распоряжении имеются также памятники, позволяющие выявить изменения в трактовке отдельных сюжетов поздней пунической историографией под влиянием распространения в Северной Африке христианства.

Одним из важнейших источников по истории финикийской колонизации Северной Африки является сочинение Саллюстия "Югуртинская война" (19,1 и 78,1). Сведения Саллюстия восходят, по его собственным словам, к сочинениям пунических историков (Саллюст., 17,7). Саллюстий говорит об основании финикийцами Гиппона, Хадрумета и Лептиса, причем постройку последнего он приписывает сидонянам, изгнанным вследствие гражданских смут из родного города. Причинами финикийской колонизации Саллюстий вслед за своими источниками считает стремление уменьшить население метрополии, какду власти и стремление к новшествам, т.е. к радикальному общественному перевороту. Из изложения Саллюстия ясно, что пуническая историография объясняла финикийскую колонизацию обстоятельствами внутренней жизни городов азиатской Финикии, а не их конфликтами с соседними обществами.

Между тем, в сочинении Прокопия о войне с вандалами (2,10) имеется восходящее также к пуническим источникам предание о происхождении маврусиев (одна из этнических групп Северной Африки), связывающее это событие с библейским преданием об исходе из Египта. Согласно этой версии, маврусии (в сущности, пунийцы, поскольку они говорят по-финикийски) происходили от ханаанцев, якобы бежавших в Северную Африку от Иисуса Навина. В подтверждение своих слов Прокопий ссылается на надписи, якобы имевшиеся в Тигрисице и составленные на финикийском языке, где сказано: "мы - те, что бежали от разбойника Иисуса сына Навина" ἡμεῖς ἐσμὲν οἱ φυγόντες ἀπὸ προσόπου Ἰησοῦ τοῦ Ἀητοῦ υἱοῦ Ναυῆ. Оставляя в стороне едва ли разрешимый в настоящее время вопрос, существовала ли подобная надпись в действительности, заметим только, что семитизм ἀπὸ προσόπου определенно свидетельствует о финикийском происхождении информации Прокопия.

Так как обстоятельная библейская традиция о походах Иисуса Навина и завоевании Ханаана не сохранила каких-либо упоминаний о

богстве ханаанцев за море, можно, несмотря на всю опасность заключений такого рода, считать информацию Прокопия исторически достоверной. Ее возникновение легко объясняется распространением в Северной Африке вместе с христианством также и Библии. Североафриканские пунийцы называли себя ханаанцами, и на этой основе сложилась традиция, связывавшая их с библейскими ханаанцами; древнее пунийское предание оказалось забытым.

Подобное переосмысление исторической традиции под влиянием христианства не было изолированным явлением; в качестве параллели к занимающему нас явлению можно указать, например, на "Историю против язычников" Орозия, где была предпринята попытка обработать римскую историческую традицию в христианском духе.